

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА

Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи
„Общества распространенія просвѣщенія
между евреями въ Россіи“, 27 декабря 1881 г.

Н. И. БАКСТОМЪ.

Totum hoc, quo continemur, et unum est
et Deus, et socii ejus sumus et membra.

SENECA.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типогр. и Литогр. Л. Бермана и Г. Рабиновича, Измайл. пр., д. № 7.

1882.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Января 1882 г.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

1 322 40211

Милостивые Государи!

Мы должны сегодня прежде всего почтить память человека, имя котораго останется во многие вѣка незабвеннымъ нашимъ единовѣрцамъ, какъ имя одного изъ благороднѣйшихъ цѣнителей духа нашего племени и искреннѣйшихъ борниковъ нашихъ правъ.

Я говорю о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ!

Николай Ивановичъ былъ прежде всего плодотворный ученый высокаго стиля, не гонявшійся за мимолетными успѣхами, какъ средствомъ обольщенія толпы, — и его научные труды останутся вѣчнымъ памятникомъ его глубокой научной энергiи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкомъ, который всюду искалъ „убѣжденiй“, а не „словъ“, и не страшился говорить прямо, что ему „казалось истинною правдою“ ¹⁾. Уже эти два выдающіяся свойства утоншаго Николая Ивановича могли бы заставить предполагать въ немъ нашего доброжелателя и друга! Я утверждаю это, потому что питаю незыблемое убѣжденiе въ глубокой истинѣ словъ Гёте, что „вообще познанiе всякаго человѣка опредѣляетъ его поведенiе и

¹⁾ См. Собрание литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Одесса, 1858, стр. 51 и 52.

дѣйствія и что поэтому, какъ прибавляетъ Гёте, нѣтъ ничего ужаснѣе дѣйствующаго невѣжества“¹⁾).

Вы всё знаете, мм. гг., что вся жизнь и дѣятельность Николая Ивановича представляли полное оправданіе этого предположенія!

Еще въ самыя тяжелыя времена общественнаго развитія Россіи, Николай Ивановичъ, какъ профессоръ, оказывалъ своимъ ученикамъ-евреямъ самое заботливое вниманіе и, можно сказать, отеческое благоволеніе. Какъ истинный мыслитель и патриотъ, онъ сознавалъ, что понятіе о какой либо національной наукѣ есть понятіе столь-же абсурдное, какъ понятіе о холодномъ огнѣ или деревянномъ желѣзѣ; онъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что въ области науки и ея преподаванія должна исчезать всякая мысль о національности и что, напротивъ того, чѣмъ болѣе

1) Эта-же мысль прекрасно выражена и въ діалогѣ Платона.

Сократъ: Открой мнѣ, что ты думаешь о познаніи? Имѣешь-ли ты объ этомъ предметѣ одинаковое мнѣніе съ большинствомъ людей или другое? Большинство людей представляетъ себѣ познаніе не какъ нѣчто сильное, руководящее и господствующее, а напротивъ того полагаютъ, что не познаніе руководитъ человѣкомъ, а нѣчто другое,—страсти, любовь, страхъ и проч.,—при чемъ познаніе является чѣмъ то подчиненнымъ. Придерживаешься-ли и ты этого мнѣнія? Или ты считаешь познаніе чѣмъ-то прекраснымъ и сильнымъ, руководящимъ человѣкомъ, такъ что если кто-либо познаетъ добро и зло, то ничто уже не можетъ побудить его сдѣлать что-либо противъ этого познанія, и разумное познаніе само даетъ человѣку и достаточную силу для этого.

Протагоръ: Я такъ-же думаю, какъ ты, Сократъ,—и притомъ для меня было-бы позорно не считать мудрости и познанія самыми сильными предметами міра.

какойнибудь народъ проникается этимъ убѣжденіемъ, тѣмъ болѣе онъ дѣйствительно возвышаетъ свою національность. Въ области, гдѣ должна царить одна идея о человѣчности, ему не нужно было привлекать къ себѣ временное вниманіе современниковъ пустозвонною эксплуатаціею идеи о національности,—ему этого не нужно было, потому что онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ въ дѣйствительно научномъ творествѣ и могъ быть увѣренъ въ неизмѣнномъ вниманіи къ своимъ твореніямъ не только современниковъ, но и далекаго потомства! Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, было-бы искать ему мимолетней славы, когда онъ, съ одной стороны, былъ убѣжденъ, „что и здѣсь, на землѣ,—гдѣ все проходить,—есть для насъ одно ненарушимое,—это господство идей“¹⁾, и когда онъ, съ другой стороны, могъ быть увѣренъ, что онъ дѣйствительно имѣетъ свой удѣлъ въ области этихъ идей? И могъ ли бы онъ допустить въ сферу своей дѣятельности понятіе о національныхъ различіяхъ, когда онъ былъ глубоко убѣжденъ, что причина междунаціональной вражды „есть таже самая, которая производитъ несогласіе, зависть и вражду между различными классами одного и того же народа“, что эта „причина лежитъ въ началѣ сословномъ, глубоко вкоренившемся въ человѣческое общество“, когда онъ своимъ историческимъ кругозоромъ видѣлъ, что „въ тѣ времена, когда духъ кастъ былъ господствующимъ, когда сословія рѣзко отличались одно отъ другого, замѣчалась и самая сильная вражда христіанскаго общества про-

¹⁾ См. Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирогова. Кіевъ, 1861, стр. 230.

тивъ евреевъ“, когда онъ далѣе понималъ, что „въ тѣхъ обществахъ евреи могутъ всего болѣе ожидать сближенія и дружбы и правоуравненій, въ которыхъ сословное начало уже замѣтно ослабѣло“? ¹⁾

При такихъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, на привѣтствіе еврейскаго общества Бердичева, при прощаніи Николая Ивановича съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ, онъ отвѣтилъ: „Вы, мм. гг., выражаете мнѣ сочувствіе за то, что я самъ сочувствовалъ еврейской націи. Но это не заслуга, это лежитъ въ моей натурѣ; я не могъ дѣйствовать противъ себя самого. Съ тѣхъ поръ, какъ я выступилъ на поприще гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между моими товарищами, такъ и между моими подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать различія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти же убѣжденія я перенесъ и на евреевъ, когда по обстоятельствамъ жизни и службы вступилъ въ прикосновеніе съ ихъ обществомъ. Эти же убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработались цѣлою жизнью, сдѣлались для меня уже второю натурою, и не покинутъ меня до конца жизни“! ²⁾

Какъ попечитель двухъ учебныхъ округовъ, Одесскаго и Кіевскаго, лежащихъ въ чертѣ осѣдлости евреевъ, Николай Ивановичъ не переставалъ оказывать самое близкое вниманіе дѣлу еврейскаго образованія вообще и еврейскихъ училищъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 237—238.

²⁾ Тамъ же, стр. 238.

въ частности. Онъ не страшился даже, къ ужасу многихъ, выставить въ особенной статьѣ превосходства еврейской Талмудъ-Торы въ Одессѣ передъ однородными общими приходскими училищами. „Я знаю“, говоритъ онъ въ этой статьѣ, „что многіе даже обидятся и за сравненіе, и за параллель. Какъ можно смѣть сравнивать, скажутъ, нравственныя свойства и еще чьи?—семитическаго, отжившаго племени съ нашими! Это неслыханная дерзость!“ „Все это я знаю“, продолжаетъ онъ, „но тѣмъ не менѣе рѣшаюсь говорить, что мнѣ кажется истинною правдою“¹⁾. Въ этой статьѣ онъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла касается и современныхъ недостатковъ евреевъ, — но не для насмѣшекъ и поруганій, а для дѣйствительнаго освѣщенія предмета: *Nominum affectus et actiones nec detestari nec ridere, sed—intelligere!* (аффекты и дѣянія людей должны составлять предметъ не презрѣнія или смѣха, а—пониманія!)²⁾. Въ этой-же статьѣ онъ поднимается и до истинно высокаго пониманія человѣческаго зла, въ смыслѣ Лейбница: „Будемъ снисходительны“, говоритъ онъ, „и согласимся, что не одинъ еврей и раскольникъ, а вообще человѣкъ всѣмъ злоупотребляетъ, даже святынею. Этой нравственно-исторической аксіомы, кажется, доказывать не нужно. И такъ, будемъ и правосудны, не станемъ общую человѣческую слабость сваливать на однихъ меньшихъ нашихъ братій. Откинемъ предубѣжденія, проникнемъ мыслью сквозь безобразную

¹⁾ См. Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Одесса, 1858, стр. 52.

²⁾ Spinoza, *Ethica*, III, Praefatio.

грудю зла до самаго основанія, и увидимъ, что это зло есть ничто иное, какъ переродившееся и искаженное добро“¹⁾).

Не имѣя возможности даже просто перечислить здѣсь всѣ дѣянія усопшаго Николая Ивановича, какъ въ области науки, такъ и въ сферѣ его общественной дѣятельности, принужденный ограничиться здѣсь лишь общою характеристикой его дѣятельности, преимущественно по отношенію къ евреямъ, я однако представилъ бы вамъ, мм. гг., слишкомъ неполную характеристику усопшаго учителя, если бы умолчалъ объ одной крупной чертѣ его духовной и нравственной натуры, которая также представляла вѣрный залогъ его справедливаго и человѣческаго отношенія къ евреямъ.

Николай Ивановичъ былъ глубоко религіозною натурою, въ истинномъ и возвышенномъ смыслѣ этихъ словъ. Наше юное поколѣніе, какъ русское, такъ и еврейское, нѣсколько чуждое, по общему признанію, религіозныхъ представленій, несомнѣнно читаетъ общія статьи покойнаго Николая Ивановича съ немалымъ удивленіемъ къ его, повидимому, любимой манерѣ освѣщать общечеловѣческія истины и свѣтомъ Евангельскаго ученія,—но это ученіе было для него не механическимъ наборомъ изреченій, а составляло часть его духовной натуры. Именно въ силу этого, онъ былъ способенъ справедливо относиться и къ евреямъ: онъ, разумѣется, ясно понималъ, что всѣ новѣйшія религіозныя ученія выросли всѣми своими корнями на почвѣ еврейства. И

¹⁾ См. Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Одесса, 1858, стр. 59.

именно въ силу своего глубокаго благоговѣнія къ основной сущности религіи, Николай Ивановичъ зналъ несомнѣнно и основныя начала еврейства не по наслышкѣ или отрывочнымъ фразамъ модныхъ рецензентовъ, а по дѣйствительно надежнымъ источникамъ. Поэтому и господствующая во многихъ кругахъ молва о религіозной исключительности евреевъ и о представленіи ихъ о самихъ себѣ, какъ объ исключительно богоизбранномъ народѣ,—эта молва, имѣющая своимъ источникомъ незнаніе дѣйствительныхъ отношеній дѣла, справедливо представлялась ему пустымъ вымысломъ. Какъ дѣйствительно знакомый съ основами еврейской религіи, Николай Ивановичъ, конечно, зналъ, что, говоря словами знаменитаго Берлинскаго философа Целлера, „библейская вѣра въ единство Бога и вѣра равенства всѣхъ людей и ихъ нравственныхъ задачъ взаимно обуславливаютъ другъ друга“ ¹⁾. Ему не могло быть чуждо ученіе многихъ талмудистовъ, что, рядомъ съ принципомъ „люби твоего ближняго какъ самаго себя“ ²⁾, и принципъ божественнаго подобія человѣка,—этотъ принципъ, такъ прекрасно выраженный словами Спинозы: „*homo homini Deus*“ ³⁾,—состав-

¹⁾ См. исторію евреевъ Вебера и Гольцмана, т. II, стр. 14: „Такъ какъ справедливость единаго Бога составляетъ самое внутреннее ядро ветхозавѣтной религіи, то эта религія не можетъ быть въ принципѣ исключительно народною и партикуляристическою,—она не можетъ заширяться противъ обобщенія содержащихся въ ней религіозныхъ истинъ, потому что „вѣра въ единство Бога и вѣра равенства всѣхъ людей и ихъ нравственныхъ задачъ взаимно обуславливаютъ другъ друга“.

²⁾ III кн. Моисея, гл. 19, ст. 18.

³⁾ *Ethica*, IV, 35.

ляетъ основной принципъ нашей религіи ¹⁾). Онъ, конечно, зналъ, что всюду, гдѣ евреи являются въ библіи богоизбраннымъ народомъ, они являются таковымъ лишь для блага всего человечества, какъ это неоднократно и явно выражено въ Священномъ Писаніи, напимѣръ, при явленіи Бога Аврааму, — „и будутъ благословенны тобою всѣ племена земли“ ²⁾), —

1) Въ Сифри (глава Wajikra) находимъ слѣдующую дискуссію между знаменитыми талмудистами р. Акибой и б. Азай: р. Акиба утверждаетъ, что „люби твоего ближняго какъ самаго себя“ составляетъ главный принципъ еврейскаго вѣроученія, б. Азай-же утверждаетъ, что „и создалъ Богъ человѣка по Своему подобію, по подобію Божію Онъ создалъ его“ (I кн. Моисея, гл. I, ст. 27) составляетъ еще высшій принципъ еврейскаго вѣроученія, такъ какъ изъ этого принципа вытекаетъ нравственная обязанность не только любить ближняго, но и почитать его, какъ подобіе Божества.

Вообще библейскій рассказъ исторіи созданія человѣка служилъ талмудистамъ темою для обоснованія многихъ нравственныхъ началъ. Такъ, напр., мы находимъ въ талмудѣ (Sanhedrin, 37—38): „Для чего человѣкъ созданъ первоначально въ единственномъ числѣ? — Для того, чтобы человѣкъ не могъ сказать другому: мой отецъ выше твоего! Или: «Для того, чтобы племена не могли раздражать другъ друга гордостью; ибо, если и теперь, когда Богъ создалъ первоначально лишь одного человѣка, племена раздражаютъ однако другъ друга гордостью, то какъ бы они раздражали другъ друга, еслибы Богъ создалъ первоначально хоть двухъ человѣкъ»... «Когда человѣкъ», сказано далѣе въ томъ же мѣстѣ, «чеканитъ одною и тою-же формою много монетъ, то онѣ всѣ совершенно одинаковы, между тѣмъ Богъ отчеканиваетъ всякаго человѣка тою-же формою, какъ Адама (т. е. по образу Божію), и ни одинъ не одинаковъ совершенно съ другимъ; поэтому и всякій человѣкъ можетъ сказать, что для него созданъ весь міръ (т. е. всякій человѣкъ составляетъ необходимое звено въ природѣ, на разрушеніе котораго никто не имѣетъ права)».

2) I кн. Моисея, гл. 12, ст. 3. — По поводу этого явленія Бога Аврааму, знаменитый протестанскій богословъ Отто ф. Герлахъ, котораго

или при разрушеніи Содома, когда Богъ вѣщаетъ: „Авраамъ будетъ большимъ и сильнымъ народомъ, которымъ будутъ благословенны всѣ народы земли“¹⁾),—или при явленіи Бога Иакову, гдѣ сказано: „И будутъ благословенны тобою и твоими потомками всѣ племена земли“²⁾). Онъ, конечно, зналъ, что, даже въ самую торжественную минуту явленія Бога на горѣ Синаѣ, Богъ называетъ евреевъ „своимъ удѣломъ“, прибавляя: „ибо мнѣ вся земля“³⁾), т. е. выбираетъ евреевъ для блага всѣхъ обитателей земли⁴⁾). Онъ несомнѣнно зналъ,

скорѣе можно обвинять въ слишкомъ большой приверженности принципу *extra ecclesiam nulla salus*, съ христіанской точки зрѣнія, но никакъ не въ пристрастіи къ евреямъ, замѣчаетъ (*Commentar zur heiligen Schrift*, Berl. 1858): „Это откровеніе и обѣтованіе, выдѣляющее Авраама и дающее ему превосходство передъ всѣми людьми его времени, какъ избранному любимцу Бога, только потому достаются на его долю, чтобы Богъ могъ черезъ него и его потомковъ оказать всему человѣческому роду то же благо Его познанія... Уже первое откровеніе Иеговы праотцу Аврааму показываетъ, какъ Ветхій Заветъ ничего не знаетъ о еврейскомъ національномъ Богѣ, которому былъ бы чуждъ весь остальной міръ».

¹⁾ I кн. Моисея, гл. 18, ст. 18.

²⁾ I кн. Моисея, гл. 28, ст. 14.

³⁾ II кн. Моисея, гл. 19, ст. 5.

⁴⁾ Ср. талмудически-легендарное толкованіе этого момента въ исторіи евреевъ въ «*Mechilta Jithro*»: «Богъ открылъ свое ученіе не въ Палестинѣ, а на свободной землѣ, безъ опредѣленнаго владѣльца (въ пустыцѣ), чтобы показать, что оно назначено для всѣхъ, которые пожелаютъ его принять».—«Голосъ Бога на горѣ Синаѣ раздѣлялся на языки всѣхъ семидесяти народовъ, чтобы быть понятнымъ всѣмъ».—Названный уже нами протестантскій богословъ О. ф. Герлахъ замѣчаетъ къ приведенному стиху II кн. Моисея, — «и будете моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ, ибо мнѣ вся земля»,—слѣдующее: «Возвышенно, какъ въ этихъ словахъ избраніе Израіля основано

что и въ предсмертномъ благословленіи Моисея народу величайшій законодатель говоритъ о Богѣ: „и любитъ Онъ народы и всѣ ихъ святыя въ Твоихъ (Его) рукахъ“ ¹⁾. Словомъ, ему несомнѣнно было ясно избраніе евреевъ лишь въ смыслѣ учителей религіи для всѣхъ народовъ,—понятіе, выраженное въ Библии и при томъ случаѣ, когда Богъ хочетъ уничтожить весь еврейскій народъ и возложить его высокую миссію на будущихъ потомковъ Моисея ²⁾),—понятіе, выраженное и въ разсказѣ талмудистовъ, по которому Богъ хотѣлъ сначала открыть Свое ученіе другимъ народамъ и открылъ его евреямъ лишь тогда, когда другіе народы отказались отъ этого ³⁾).

Это дѣйствительное значеніе богоизбранности еврейскаго народа усопшій Николай Ивановичъ могъ, конечно, почерпнуть и въ гражданскомъ законодательствѣ евреевъ,— гражданскомъ законодательствѣ, имѣвшемъ одинаковую государственную силу какъ для евреевъ, такъ и для пришельцевъ-чужаковъ на еврейской землѣ. „Одинъ законъ“, говоритъ Господь, „да будетъ вамъ, для пришельца и туземца“ ⁴⁾ на вашей землѣ. Это дѣйствительное значеніе богоизбранности еврейскаго народа усопшій Николай Ивановичъ могъ почерпнуть и въ

именно на принадлежности Богу всей земли. Этимъ у евреевъ было отнято языческое представленіе о народномъ Богѣ... Если Богъ есть Господь всего міра и избираетъ себѣ особенный удѣлъ между всѣми народами, то Онъ можетъ имѣть цѣлью лишь заботиться обо всѣхъ черезъ этотъ избранный народъ».

¹⁾ V кн. Моисея, гл. 33, ст. 3.

²⁾ IV кн. Моисея, гл. 14, ст. 11 и слѣд.

³⁾ Талмудъ, трактатъ Абода-Зора, гл. I, 2.

⁴⁾ III кн. Моисея, гл. 24, ст. 22.

постоянномъ напоминаніи еврейскаго законодательства объ особенномъ вниманіи къ пришельцамъ и чужакамъ: „и чужаковъ не мучьте и не притѣсняйте, вы знаете, какъ должно быть на душѣ чужаку, ибо чужаками вы были на землѣ египетской“ ¹⁾, — или „какъ туземецъ да живетъ между вами пришелецъ, и люби его какъ самого себя, ибо пришельцами вы были на землѣ египетской“ ²⁾. И все это, какъ всюду въ Библии, не одни общія заповѣди, а положительное законодательство, которое предписываетъ даже въ частности: „и когда пожинаете съ вашихъ полей, не пожинайте съ краевъ и упавшее съ вашего сбора не поднимайте,—и съ виноградниковъ твоихъ не собирай тщательно, и отпавшихъ ягодъ не собирай,—бѣдняку и пришельцу оставляй все это“ ³⁾, — или „когда упадетъ твоя ближній, поддержи его, пришельца и туземца, да живутъ они съ тобою“ ⁴⁾. Не даромъ же отношеніе къ пришельцамъ ставится всюду въ Библии на ряду съ отношеніемъ къ вдовамъ и сиротамъ,—и не даромъ самъ Господь Богъ называется въ Библии: „Творящій судъ сиротѣ и вдовѣ и любящій пришельца, заботясь о доставленіи ему хлѣба и покрова“ ⁵⁾.

Мудрено ли, что, при несомнѣнно близкомъ знакомствѣ съ Библіею усопшаго Николая Ивановича, при его дѣйстви-тельно глубокомъ и обширномъ умѣ, мы находимъ въ немъ

1) II кн. Моисея, гл. 22, ст. 20, и гл. 23, ст. 9.

2) III кн. Моисея, гл. 19, ст. 34.

3) III кн. Моисея, гл. 19, ст. 9—10, и гл. 23, ст. 22.

4) III кн. Моисея, гл. 25, ст. 35.

5) V кн. Моисея гл. 10, ст. 18.

столь теплое и сердечное отношеніе къ евреямъ? Его умъ составлялъ главную основу его духовной натуры, — и такимъ образомъ на немъ оправдалась вѣчная правда словъ Спинозы: „Homines, qui ratione gubernantur, hoc est, homines, qui ex ductu rationis suum utile quaerunt, nihil sibi appetere, quod reliquis hominibus non cupiant, atque adeo eosdem justos, fidos atque honestos esse“, — и „Bonum, quod unusquisque, qui sectatur virtutem, sibi appetit, reliquis hominibus etiam cupiet, et eo magis, quo majorem Dei habuerit cognitionem“¹⁾. („Люди, которые руководятся разумомъ, т. е. люди, которые ищутъ свою пользу по руководству разума, не желаютъ ничего для себя, чего-бы они не желали и для всѣхъ другихъ людей, — другими словами, они справедливы, вѣрны и добродѣтельны“, — и „Добро, которое добродѣтельный желаетъ для себя, онъ желаетъ и для всѣхъ другихъ людей, — и тѣмъ болѣе онъ этого желаетъ, чѣмъ больше его познаніе Бога“).

Мм. Гг! Разставаясь съ Кіевскимъ учебнымъ округомъ, Николай Ивановичъ сказалъ своимъ сослуживцамъ: „Какъ ни грустно разставаться съ тѣми, съ кѣмъ мы были связаны единствомъ мысли и дѣйствій; но все таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что и разлучившись можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединяютъ нити мысли“²⁾.

¹⁾ Ethica, IV, 18 и 37.

²⁾ См. Собраніе литературно-педагогическихъ статей Н. И. Пирова. Кіевъ, 1861, стр. 230.

Тяжела и невозвратима для насъ потеря Николая Ивановича, особенно въ настоящее смутное время, — но мы можемъ находить для себя утѣшеніе въ незыблемости и вѣчности идей, которыми онъ питался, и мы можемъ стремиться жить въ мірѣ этихъ идей, благословляя постоянно память ихъ великаго и неустрашимаго проповѣдника!

Память Николая Ивановича Пирогова да будетъ намъ вѣчно благословенна!

